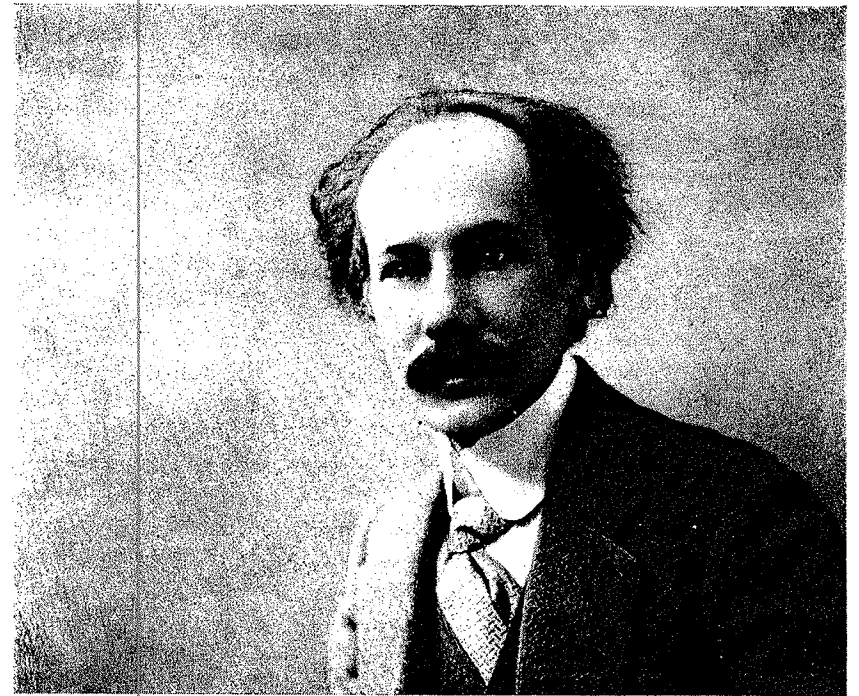

The Andrej Belyj Society

Newsletter

Number 5

1986

The Andrej Belyj Society Newsletter

**Printed and bound
at Texas A&M University
Typeset and Composed at The Sunnyside Press**

Editor: Olga Muller Cooke

**Subscriptions: individuals, \$5.00 per year; and
institutions, \$10.00 per year. For subscribers
outside the USA, \$6.00 per year. The same rates
apply for back issues. Checks should be made
payable to: The Andrej Belyj Society.**

All communications should be sent to:

**Olga Muller Cooke
Department of Modern Languages
Texas A&M University
College Station, Texas 77843
(409) 845-2198**

ISSN 0743-2410

THE ANDREJ BELYJ SOCIETY NEWSLETTER

Number 5

1986

CONTENTS

Note from the Editor	3
In Memoriam: Ronald E. Peterson	4
Ronald E. Peterson: Publications	7
Andrej Belyj's "Kul'tura v sovremennoj Rossii" Thomas R. Beyer, Jr.	13
Культура В Современной России Andrej Belyj	15
Andrej Belyj and His Father: A Short Memoir George Cheron	29
Paul S. Epstein's Memoir	30
"Works of Idealization:" Reminiscences of Belyj (Part I) Olga Muller Cooke	33
A Puzzle Solved (More or Less) John E. Malmstad	40
1986 Seminar on Andrej Belyj at the University of Bergamo	41

The Sixth Annual Belyj Society Meeting	43
Essay—Poems on Wor(l)d Sounds: Konstantin Bal'mont and Andrej Belyj Abstract by Martin Bidney	44
Claustrophobia and Agoraphobia in Belyj's <i>Petersburg</i> Abstract by Cathy Popkin	46
Элементы карнавализации в "Петербурге" А. Белого Abstract by Eleonora Magomedova	48
Andrej Belyj and Marina Cvetaeva: "Razluka" and "Posle Razluki" Abstract by Thomas R. Beyer, Jr.	50
Belyj's <i>Glossalotija</i> : Synaesthesia and Semiosis Abstract by Amy Mandelker	51
Pathological Patterns in Belyj's Novels: 'Ableuxovy—Letaevy—Korobkiny' Revisited Abstract by Olga Muller Cooke	52
Andrej Belyj: A Bibliography 1985—1986 Compiled by Julian Graffy	54
News from the Front	64

Note from the Editor

We would like to inform all members of the Belyj Society that inspite of the late appearance of the present issue, Number 6 will appear as all previous issues have in the past, that is, at the end of 1987. If you are planning to send any materials, please do so by mid-November. Do note that the *Newsletter* has found a new residence on the campus of Texas A&M University, so please continue to send your documents, notes, abstracts, announcements of new publications and projects, requests for information about seminars, symposia, and the like, to the new address provided.

We encourage a somewhat broader approach for future issues. We are now in the process of commissioning book reviews, reviews of important articles, plays, analyses of holdings in libraries and personal archives, for the benefit of scholars and students. Please enlist the support of not only Belyj scholars, here and abroad, but anyone interested in Russian Symbolism. With a larger membership the Belyj Society may one day support a full-bodied journal. Let me take this opportunity to thank Prof. Zoya Yurieff of New York University for informing her Belyj seminar students of our group. Graduate students planning your dissertation proposals may wish to seek a forum to air your ideas. Consider the annual AATSEEL meetings as such a place.

**In Memoriam
Ronald E. Peterson
1948-1986**

It is with profound sadness that we record the death of Ronald E. Peterson on April 17, 1986. His untimely death at the prime of his career elicited shock and great sorrow from his friends and colleagues in Russian. His scholarship was of especial interest to Belyj scholars, as shortly before his death he had just completed his major work, *The History of Russian Symbolism, 1882-1917*, which has been accepted for publication. In addition to this was a completed anthology of critical writings by Russian Symbolists, a work on the correspondence between Edvard Grieg and Tchaikovsky and three forthcoming translations: Belyj's "Third Symphony," Aksenov's *Our Golden Ironburg* and Iskander's *Bunny Rabbits and Boa Constrictors*. We are fortunate that he was able to complete these volumes, despite his illness.

Ronald Peterson was born in Ontario, Oregon on August 26, 1948. He held both a Bachelor's and a Master's Degree from the University of Oregon in Eugene. In 1977 he defended his dissertation on Belyj's short stories and received his Ph.D. from Harvard University. Shortly thereafter, he published a complete collection of Belyj's short stories in the original, as well as a volume of translations of these stories. His revised dissertation served as a companion piece to the translations and represented the first monograph on Belyj's short fiction, *Andrei Bely's Short Prose* (1980). Using this research, Professor Peterson

published several articles on Belyj's early literary period and other figures of Russian Symbolism.

In the course of his career Professor Peterson taught at the University of Oregon before becoming Assistant Professor at Occidental College. Ron Peterson's teaching encompassed nearly the entire field of Russian: language, literature, culture and folklore. He also taught courses in composition and European culture. His devotion to teaching can only be termed exemplary: evidence of his commitment was revealed shortly before he passed away, when he insisted on teaching his class, in spite of the terrible pain he bore. Few scholars have mastered as many languages as Ron had. In addition to Russian, he had a perfect fluency in Bulgarian and Norwegian, as well as a reading knowledge in German, French, Swedish and Danish. Bulgarian and Norwegian figured prominently in his many other research interests. Professor Peterson served his profession well as a book reviewer, as a frequent organizer of conference panels, in all, as an active participant in numerous professional organizations.

Beyond his excellence as a Belyj scholar, Ron Peterson will be remembered for his enthusiastic participation as one of the founding members of the Belyj Society. From the inception of the *Newsletter*, Ron provided generous editorial assistance; he served as president of the Belyj Society in 1985, contributed several short articles to the *Newsletter*, and helped me to compile the lengthy Belyj bibliography in Number 2, 1983. All of his articles were notable for a meticulous concern for detail and accuracy. Always his attitude was distinguished by a desire to see the job done well.

On a personal note, I was present at the memorial service in Ron's honor at Occidental College. It was most moving to witness such a gathering. Hundreds of students, friends, faculty and colleagues came forth to pay him homage. Although a quiet and unpretentious individual, Ron was a person of superb character, always ready to lend a helping hand, always gracious and honest. We extend our deepest sympathy to Ron's wife, Nadya, and to their daughter, Ingrid. The Slavic field has lost a man who gave much to his profession and to those around him and someone who would have accomplished a great deal more had he lived.

Olga Muller Cooke

**Ronald E. Peterson
Publications**

1978

Johan Borgen, "The Summer House," *Scandinavian Review*, Vol. 66, No. 2, 51-55 (a translation from Norwegian).

1979

Andrej Belyj, *Complete Short Stories*, trans. R.E.P. (Ann Arbor: Ardis).

Andrej Belyj, *Rassказы*, gesammelt und eingeleitet von R.E.P. (Munchen: Wilhelm Fink Verlag); all in Russian.

1980

Andrei Bely's Short Prose (Birmingham: Birmingham Slavonic Monographs, No. 11).

"The Enigma of Andrej Bely's First Marriage," in *Andrej Bely Centenary Papers*, ed. B. Christa (Amsterdam: Hakkert), 63-67.

"Russenorsk: A Little Known Aspect of Russian-Norwegian Relations," *Studies in Language*, Vol. 4, No. 2, 249-256.

1981

Old Believers (Portland, Oregon: Northwest Media Project); a booklet to accompany the film "Old Believers."

1982

Johan Borgen, *Lillelord*, ed., with an introduction by R.E.P., trans. Elizabeth B. Moen and R.E.P. (New

York: New Directions; London: John Calder).

"Andrej Belyj and Nikolaj Vedenjapin," *Wiener Slawistischer Almanach*, No. 9, 111–117.

"Andrej Belyj's 'Third Symphony': Return or Demented Demise?" in *Russian Literature and Criticism: Selected Papers from the Second World Congress for Soviet and East European Studies*, ed. Evelyn Bristol (Berkeley: Berkeley Slavic Specialties), 167–175.

"Time in *The Gift*," *Vladimir Nabokov Research Newsletter*, No. 9, 36–40.

"Johan Borgen and Dostoevsky: Some Remarks," *Germano-Slavica*, Vol. 4, No. 2, 101–107.

1983

"Mikhail Bulgakov and Goethe's Wagner," *Germano-Slavica*, Vol. 4, No. 4, 217–223.

"The Writer as Alien in Sinjavskij's 'Pxenc'," *Wiener Slawistischer Almanach*, No. 12, 47–53.

Review of Magnus Ljunggren's *The Dream of Rebirth: A Study of Andrej Belyj's Novel Peterburg*, *ibid.*, 381–385.

"Andrej Belyj: A Bibliography since 1964," compiled by Olga Muller Cooke and R.E.P., *ABSN*, No. 2, 15–60.

1984

"*Vesj*: Its Zodiacal Title," *SEEJ*, Vol. 28, No. 1, 89–92.

Review of *Metropol'*, *ibid.*, 128–130.

"Zemblan: Nabokov's Phony Scandinavian Language," *Vladimir Nabokov Research Newsletter*, No. 12, 29–37.

Review of V. Aksyonov's *The Island of Crimea*, *SEEJ*, Vol. 28, No. 3, 410–411.

"Certain Misconceptions about Belyj," *ABSN*, No. 3, 11–15.

Review of J.D. Elsworth's *Andrej Bely: A Critical Study of the Novels*, *SEEJ*, Vol. 28, No. 4, 546–549.

Review of *Studies in 20th Century Russian Prose*, ed. Nils A. Nilsson, *WSA*, No. 14, 349–352.

1985

"Grieg og Tsjaikovskij: Deres bekjentskap og korrespondanse," *Norsk Musikktilskrift*, No. 2, 38–43.

Review of Kornei Chukovsky, *The Art of Translation: High Art*, *SEEJ*, Vol. 29, No. 2, 221–222.

"Knut Faldbakken: A Norwegian Contemporary," *Scandinavian Review*, Vol. 73, No. 3 (Autumn), 80–85.

"Konstantin Bal'mont's Norwegian Acquaintance, Dagny Kristensen," *WSA*, No. 15, 67–73.

Review of V. Aksyonov's *The Burn*, *SEEJ*, Vol. 29, No. 4, 488–489.

"Andrej Belyj and Dagny Kristensen, *Vesj*'s Norwegian Correspondent," *ABSN*, No. 4, 30–34.

1986

The Russian Symbolists: An Anthology of Critical and Theoretical Writings, ed. and trans. R.E.P. (Ann Arbor: Ardis)

Forthcoming

V. Aksyonov, *Our Golden Ironburg*, trans. R.E.P. (Ann Arbor: Ardis).

F. Iskander, *Bunny Rabbits and Boa Constrictors*, trans. R.E.P. (Ann Arbor: Ardis).

A. Bely, *The Return: Third Symphony*, trans. R.E.P. (Ann Arbor: Ardis).

"Symbolism in Bulgaria: A Reexamination," *Balkanistica*.

Accepted for Publication

A History of Russian Symbolism, 1882-1917, ed. O.M. Cooke (Amsterdam: John Benjamins)

Submitted for Publication

Edvard Grieg and Peter Tchaikovsky: Their Friendship and Correspondence.

Unpublished Manuscripts

Going Places: A Contemporary Russian Reader.

"Motival Sources in Elin Pelin's *Pod manastirskata loza*."

Papers Presented at Scholarly Meetings

1980-1985

"Andrej Belyj's 'Third Symphony:' Return or

Demented Demise?" Second World Congress for Soviet and East European Studies, Garmisch-Partenkirchen, 1980.

"Vasilij Aksenov and Russian Experimental Prose," AATSEEL, Houston, 1980.

"Pasternak's Prototypes in *Doctor Živago*," Southern California AATSEEL, UCLA, 1981.

"Time as a Riddle in *The Gift*," Southern California AATSEEL, USC, 1982.

"Kazakov and Rasputin: The Changing Mores," UCI Symposium on the 1960's and 1970's in Soviet Russian Literature and Society, UC-Irvine, 1982.

"Symbolism in Bulgaria: A Re-Examination," Third Joint North American Bulgarian Scholarly Meeting, Harvard, 1982.

"Andrej Belyj and Boris Pasternak," AATSEEL, Chicago, 1982.

"The Writer as Alien in Sinjavskij's 'Pxenc'," Southern California AATSEEL, UCLA, 1983.

"Grieg's Impact on Russian Culture," International Grieg Symposium, San Diego State University, 1983.

"April 1906: A Turning Point in Russian Symbolism," AAASS, Kansas City, 1983.

"Fictional Elements in Nabokov's Introductory Remarks," Western Slavic Studies Association, Stanford, 1984.

"Vasilij Aksenov's Crimean Island and Messianic Mainland," Southern California AATSEEL, UCLA, 1984.

"Andrej Belyj and Norway," included in the contributions to the International Symposium on Andrej Belyj, Bergamo, Italy, 1984.

"Ioann Exarch's *Shestodnev*: Focal Point for a Contemporary Literary-Critical Controversy," AAASS, New York, 1984.

"Fazil' Iskander's Moral and Political Satire: *Kroliki i udavy*," AATSEEL, Chicago, 1985.

"Nina Petrovskaja: Russian Modernist Writer in *Extremis*," AATSEEL, Chicago, 1985.

Andrej Belyj's "Kul'tura v sovremennoj Rossii"
Thomas R. Beyer, Jr.

Andrej Belyj's article on "Culture in Contemporary Russia" was printed in the major bibliographical journal of the emigré community in Berlin, *Novaja Russkaja Kniga*, I (January 1922), 2-6. The article was reprinted from a public lecture by Belyj, given on Wednesday, December 14, 1921 in the Logenhaus (Kleiststrasse 10). The talk, entitled "Kul'tura sovremennoj Rossii" was the first public lecture sponsored by the Russian House of the Arts in Berlin, which had been founded the previous month by Belyj, Aleksej Tolstoj, Aleksej Remizov and others.¹

A report of that lecture can be found in an article by Mixail Švarc, "Andrej Belyj on the Future of Russia" in the Berlin daily newspaper, *Golos Rossii*, 845 (Dec. 21, 1921), 2. The article itself was reviewed in *Rul'*, 390 (February 26, 1922), 6.

Belyj's first major public address in Berlin was both profoundly personal and a daring defense of Soviet Russia, accompanied by a mild attack on the emigration. Belyj speaks of those "who have emigrated into the abstract sphere of lifeless principles, into remembrances of the past." Ironically, Belyj turned more and more to memoirs, first of Blok and then of himself, during his two years in Berlin. In his praise of the young proletarian poets we can find a hint of why Belyj eventually returned to Soviet Russia. He had drawn sustenance from those young poets, from young people in general, and it was to that image of Russia that he fled from a disintegrating Berlin in October of 1923.

¹ For a fuller discussion of Belyj's role in that organization see Thomas R. Beyer, Jr., "The House of the Arts and the Writers' Club: Berlin 1921-1923," forthcoming in an as-yet-untitled collection to be published by Berlin Verlag Arno Spitz in 1987.

Культура В Современной России

Культурная жизнь современной России представляет собой пеструю смесь противоречий и крайностей; красота переплетается с безобразием, головные утопии с конкретнейшими достижениями в области искусства, забота о куске хлеба, одежде, дровах переплетается с мыслями о Вечности и о Гробе; смерть и воскресение, гибель и рождение новой культуры — все это столкнуто; норма отсутствует.

С уверенностью проходя через ряд картин русской жизни, переживая эти картины в себе, умирая и воскресая на протяжении одного дня, — твердишь себе: "Новая Россия родилась: испытание огнем пройдено."

Ощущение рождения еще не отстоявшихся в форме идей, импульсов, чувств, эстетических и моральных переживаний сопутствует всюду; оно дает силу нести изо дня в день непереносимые бремена.

В жизни современной России у среднего человека отнято все, на чем построилась прежняя жизнь: вера в незыблемость быта, устоев морали и государственности; каждое почти подсознательное, движение (нажал кнопку звонка — отворилась дверь; протянул руку за спичкой — она под руками) теперь требует осознания и величайшего напряжения, отнимая, казалось бы, энергию для всякой деятельности (если хочешь, чтобы открылась дверь, — стучи до изнеможения;

нужда в спичках, — беги через весь Невский); сброшены формы; и люди зажили в безформенном; каждую вещь вынуждены они сызнова называть, сызнова изобретать. Но в этом первозданном хаосе, закопошившемся под колпаком всеобщего государственного режима, — забилося здесь и там яркое, индивидуальное творчество. Здравый смысл опрокинулся; для того, у кого не было никакого жизненного смысла, кроме обычного, "здрoвoгo", — с 1918 года наступил конец России, жизни вообще, жизни живого, индивидуального я, осознававшего себя лишь субъектом, оформливающим подлежащую действительность; рухнула она, и — что такое я? Субъект формы? Но формы то и не оказалось: не оказалось и субъекта формы; он должен был исчезнуть, и он — исчез.

Исчезновение обывателя, субъекта здравого смысла, переживали мы в 1918 — 1919 годах, как картину деморализации многих сознаний, не способных ни подняться над хаосом безформенного, ни научиться строить жизнь на принципах текучей стихии; эти, стихиею захлебнувшиеся, пошли ко дну; и там, на дне, зажили в дочеловеческих формах всяческой деморализации. Было много картин гибели; но соль здравого смысла не осолила стихию жизни. Приподнявшиеся над жизнью? Одни эмигрировали в абстрактную сферу безжизненных принципов, в воспоминания о прошлом; и там, в стране воспоминаний, они, отрезанные от сложного процесса переплавления сознания, продолжают повторять из года в год: "Ага, — что получилось: видите,

видите — я прав!" На одной чашке весов покоится сознание Ивана Ивановича, на другой — миллионы живых сознаний русских, мучительно ищущих критериев действительности и все еще не имеющих готовых ответов; и чашка весов с сознанием Ивана Ивановича — перевешивает: "Ага, видите, я был прав!" Иван Иванович был прав; но бывшая правота его привела... к эмиграции из страны живой, хоть мучительной жизни; теперь он прав — "в стране воспоминаний", а эта страна — отвлеченные понятия Ивана Ивановича, которые он за пересмотром чужих понятий не удосужился пересмотреть у себя в голове. Он возвысился к себе в голову; и теперь, безтелесный, плавает у себя в голове по водам потопа; голова его закупорена; и голубь с масличной ветвью не сможет к нему прилететь: разобьется о головной аппарат: "Как так? Что доброго может возникнуть в России, когда я увез Россию у себя в голове? Какая такая Россия? Пустое место?..."

Другие из "возвысившихся" над хаосом первозданным — возвысились другим способом: возвысились в утопическое строительство новых форм жизни, игнорирующее рост жизни снизу; последние, "ответственные работники" Главпрофобр и Чусоснабармов!!!¹ развивают огромное бумажное производство схем, через каждые три месяца сообразно схем перестраивая сверху до низу целые системы учреждений и заливая асфальтом государственной нивелировки всякую пробивающуюся снизу зелень. Эти живут не в XX-м столетии, а в СХХ-ом; и на всякую масличную ветвь

нового культурного творчества смотрят с точки зрения асфальтовщиков: "Зеленая ветвь? По какому декрету? Залить асфальтом!"

Но зелень юной культуры сильна. Она ни с потонувшими, ни с ушедшими в страну воспоминаний, ни со строителями жизни сверху, мечтающими о гомункуле, но неумеющими гомункула создать (вместо "гомункулов" получают лишь грубые модели "гомункулов", от которых, к счастью, вынуждены отступать сами строители жизни). У тех, других, третьих, нет подлинного, своего сознания, а лишь разнообразные формы инерций; есть инерция покоя (она с эмигрировавшими к себе в голову, твердыми "царем в голове"); и есть инерция параллельного, равномерного движения: эта последняя стремительно выводит из всякого организационного действия; представители революционной инерции ничем не отличаются от реакционеров, инертных покоем; те и другие — "оптанты" утопий, автоматически вымолачиваемых их ветхим сознанием. В тех и других не было подлинного столкновения в душе жизни и смерти; те и другие не умирали конкретно; те и другие не проросли.

Непроросшею линией 1918–1921 годов русской жизни осталась линия всяких политических экспериментов (от крайних правых до крайних левых). Ни одно политическое, агитационное начинание последних лет не привело ни к чему: но под ужасными ударами всяких экспериментов именно в живом слое сознаний (не утонувшем и не

убежавшем в абстракции), выковывалась последняя мужественная решимость: остановить бесплодную стукотню готовых определений и слов у себя в голове (кадетских, эсерских, марксистских) и остаться с предстоящей действительностью: описать ее текущие и ни с чем не сравнимые формы, прикоснуться к накопленному материалу сознания и по своему уразуметь.

К этому подошли наиболее независимые умы (всех слоев культуры, образования, всех классов и возрастов, всех профессий и всех устремлений): И что-же в итоге? Раздались голоса о том, что с многообразием лозунгов, мировоззрений, вкусов, законов обстоит дело не так, как рисовали их толстые журналы кадетских, эсеровских, меньшевистских и большевистских лозунгов старого до-военного и до-революционного времени.

Сперва индивидуальные заявления эти звучали, как крайний скандал в том лагере, где заявления раздавались; появились безкорыстные "ренегаты" всех лагерей; и по новому встретились.

Временем индивидуалистического переживания переоценки всех старых (ре-и контр-революционных) лозунгов были года 1918–1919-й; эта переоценка происходила под огнем гражданской войны, когда близкие по крови уничтожали друг друга на фронтах, проклинали и мучили друг друга за фронтами; в лицо всем глядела смерть: холодом, голодом, тифом; и люди, сидящие в темпера-

туре ниже 0°, вынужденные колоть дрова и тайком растаскивать деревянные заборы, люди, измученные стоянием в хвостах, — вечерами тащились по темным улицам Москвы, Петрограда погреться духовными интересами (тепла материального не было); множество частных кружков, студий, частных курсов существовали вопреки всякому вероятно; вопросы о Вечности и о Гробе поднимались теперь людьми, стоящими перед лицом Вечности и Гроба; конечно-же, — эти вопросы и ставились, и разрешались не так, как того хотели эмигранты из жизни (улетевшие за границу сознания или в недра сознания "Чусоснабармов"); в вопросах и ставимых и разрешаемых по иному, впервые обнаружился тот подлинный сдвиг сознания, о котором многим не перескажешь ни за границей, ни внутри границы, ибо этот сдвиг был выстрадан всею сложностью противоречий, сосуществующих в одном сознании и срывающих маску с умершего смысла (по традициям именуемого "здравым") в устремлениях к конкретному смыслу жизни.

Только тот, кто сказал себе "Stirb und werde", получил эту новую способность: описывать то, что есть, а не то, чего следует а priori ожидать с точки зрения готового лозунга.

Весной 1920 года повеяло вдруг какой-то бурной, полной новых возможностей весной: это "независимые" люди новой, духовной революции перекликались друг с другом,

пока безымянные; это Иванушка Дурачек оказался умнее братьев.

Всякая культура есть целое многообразных узваний: она есть знание чего либо в связи с чем либо; она есть сознание, где "со" есть вовсе не механическая связь, а целое организма, т. е. некое "само". Культура культур есть само-со-знание, где "само" или Selbst в переводе на Санскрит есть Atman, или дыхание жизни; Дух жизни; само-со-знание человека, как духовного начала, есть культура культур, где культура — со-знание, т. е. целое знаний; такими знаниями является все многообразие наук, искусств, систем мысли и воли; то, что мы называли культурой в XIX веке, не имело никакого отношения к культуре; это были разсмотрения продуктов человеческого созидания (форм быта, мысли, изделий) сквозь призму одной из этих форм, где культурное целое представлялось всегда в односторонней проекции. Культура не в ставшем, а в становлении, не в форме, а в творческом процессе образования много-различия форм. Ощущение кризиса всей культуры было нам ощущением разбившейся формы, взятой вне связи форм, выхождение из одностороннего знания в сознание; ощущение незнания, тьмы под ударом войны, революций и потрясения основ жизни было явственным испытанием и требованием найти центр не в проекции формы (в знании), а в целом круга форм, в со-знании; а это со-знание возможно лишь в понимании "со", как "само" —; в "само-со-знании", в духовном начале, в космическом расширении замкнутого границами — "я". Так выход из

границ ощущался как тьма; тьма есть тьма хаоса; и от нашего умения сказать "Да будет свет" воистину зависит: перейти от знания к со-знанию или к незнанию.

В таких парадоксальных словах лишь могу описать я ту смутную правду о "я", о "сознании" и о духовном восприятии мира, расширенном новым самосознанием, которую почувствовал ряд людей нового сдвига; и об этой новой, правде рожденной культуры (еще не оформленной), запели стихи у поэтов; кипящие строчки прозаиков им ответили тем-же; о том же заговорили в публичных беседах, на лекциях, чуть ли не митингуя вопросы о Вечности, Гробе, Самосознании, — в аудиториях, два года назад внимавших лишь лозунгам политических партий; говорить на кафедре о последнем, твоём, пережитом тобою в холодных, зимних стенах, в одиночестве, во мраке и в окружении тифа, разстрелов и вшей, — говорить о невнятном, неопишемом в форме оказалось воистину неожиданным социальным делом; критерии перевернулись: невнятное стало внятным; вчера внятное — выветренным, непонятым, ненужным, чуждым.

И такую невнятицей оказалась политика; и такую невнятицей оказалась вчерашняя журналистика. Интересно под этим углом зрения рассмотреть несколько частных в быте идеологических построений, треснувших по всем швам.

Например: вопрос о пролетарском искусстве и пролетарской культуре одно время был центром обсуждения в самых противоположных лагерях; в одних лагерях а priori утверждали мощь, силу и новизну пролетарской культуры, точно определяя и измеряя ее формы; пролетарские поэты должны де были писать по Богданову хорями, ямбами, избегать сложных ритмов; в их поэзии де должен был умереть индивидуализм; самое "я" должно было исчезнуть из их лексикона, сменяясь на "мы".

В противоположных лагерях не оспаривались эти признаки пролетарской культуры; но а priori пролетарская поэзия объявлялась безсильной, неинтересной и вялой. И пролетарские поэты рисовались тенденциозными молодцами с квадратными подбородками, единственная миссия которых разбивать молотами бюсты Пушкина и проповедывать интернационализм.

Таким и оказалось творчество не пролетариев, а интеллигентов Князева и Демьяна Бедного, о которых не раз приходилось мне слышать убийственные отзывы от ряда поэтов вышедших из пролетарской среды.

Во время криков "за" и "против" пролетарской поэзии в студиях стиховедения Пролеткультов наперекор Богдановым, Фриче и Лебедевым-Полянским с одной стороны, наперекор эстетам, снобам и эйленшпигелям (разных поэтических школочек) — поэты из пролетариев упорно, скромно, трудолюбиво

изучали музу Пушкина, Тютчева, Гоголя, благоговейно приемля дары вечной культуры искусств.

Вместо любви к хорям и ямбам в произведениях пролетарских поэтов появились утонченные и сложнейшие ритмы; проблемы ритмики эвфонии, словесной орнаментики оказались необходимою пищею их художественного самоопределения. Никогда не забуду разительного факта: весной 1919 года в О-ве Любителей Российской Словесности мне пришлось выступать с рефератом на тему "о ритмическом жесте." Профессора, доценты и просвещенные члены О-ва, оказывая внимание моим изысканиям, признавались, что для них эти вопросы и новы и сложны; между тем: весь сезон 1918-1919 годов мне приходилось работать в круге этих вопросов с группой "пролетарских" поэтов, с бесконечно большею пристальностью углубляясь в детали тем. Пролетарские поэты углублялись в теории слова, в проблемы философии языка, через них переходя в круг обще-философских проблем. Их художественные вкусы? Один — влекся к Пушкину, другой — к Тютчеву; тот — к Рабиндранат Тагору; многие — к Блоку. Вместо отсутствия индивидуализма один из критиков (бывший рабочий) проповедывал: в максимуме индивидуализма и динамизма лишь сможет окрепнуть поэзия пролетариев. И поднимались дебаты о том, может ли быть поэзия пролетарских поэтов "пролетарской поэзией". Вместо коллективного "мы" поэты из пролетариев все чаще и чаще заговаривали о конкретном ощущении космического "я"

(нового "я"), уничтожающего антиномию между "я" личным и суммой этих "я" (или "мы"). Поднимались проблемы самосознания и космического сознания.

Помню, как связь моя с кружком пролетарских поэтов подвергалась всяческому осмеянию, подозрению, клевет; одни в ней видели лишь "службу начальству", другие коварную агитацию "буржуазного спеца", деморализующего стихию пролетарской культуры; не видели одного: любви поэта к поэтам же и совместного ощупывания форм заклассовой, вечной поэзии, по новому грядущей к нам. Вместо твердокаменных разрушителей ценностей (желанных одним и а priori ненавидимых другими), вышла новая, оригинальная, еще слегка прорастающая зеленью форм школа поэтов, о, насколько более серьезная, чем фаланга кофейных поэтов.

Разве нет свежести в строках:
 Было тихо. Было видно дворнику,
 Как улегся ветер под забор
 И позевывал... И вдруг с гармоникой
 Гармонист вошел во двор.
 Вскинул на плечо ремень гармоники
 И рассыпал сердце по ладам,
 Грянул — и на подоконниках
 Все цветы поплыли по лугам,
 Закачались зданья кирпичные,
 Далью, далью опьяняя;
 Ягодами земляничными
 Стала сладко бредить грязь.
 Выступил народ на подоконники,
 И помчался каждый, бодр и бос,

Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.
Почтальон пришел и, зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидал, что письма адресованы
Только нивам и лесам.

Или:

Давно такого не было лентяя!
Такого солнца! Желтый лежебок!
Подумайте, до самого до мая
Замешкать, задержать снежок!
И лишь один протеплен переулок,
Где как душист дымится грунтозем,
Как будто бы, не погасив, с огнем,
Тут солнце бросило окурок.²

Трудно узнать в этом узоре поэзии, такой юной и свежей, "квадратный подбородок" растаптывателя вечных ценностей культуры; и не узнать в нем рецепта г. Богданова, данного пролетарским поэтам. Между тем: автор стихотворения — пролетарий.

Другой пример, нарушающий априорные построения инертных революционеров и инертных реакционеров: подлинный состав новой, демократической аудитории, куда валом валят бывшие представители "масс", переставших быть массами. Согласно представлениям одних, забаррикадировавших свои кабинеты абстракциями в 1918–1919 годах, в этих массовых аудиториях должно было господствовать сплошное митингование: там должны были раздаваться лишь полные злобы

крики: "смерть буржуям"; эти представления продолжали жить и тогда, когда в полных аудиториях бывшие массы, ставшие суммой индивидуумом, обсуждали трепетно проблемы Вечности и Гроба. Уже здесь, в Берлине, меня спрашивали о том, кричать ли в России о столь замечательном явлении, как "Переписка из двух углов" (В. Иванова и М.О. Гершензона). У меня не хватило духа разочаровать спрашивающего ответом: "Нет, не кричат, потому что из всех углов России идет говор на темы этой "Переписки" — до "Переписки" еще." Не хватило сил ответить, что в одной Вольной Философской Ассоциации на протяжении 50 открытых заседаний были сказаны "томы" ненаписанных книг на тему "Переписки", из которых десятки и сотни страниц звучали острее, тоньше и пронизательней "Переписки". То же происходило в аудиториях Москвы (в Политехническом Музее, "Дворце Искусств", в многообразных студиях), в 1920–1921 годах, куда наконец пришли многие из еще недавно забаррикадированных собственными абстракциями; иные из них признавались: аудитория переменилась. Она стала гибче, тоньше и восприимчивей. В сердцах пишутся томы; подобные и превосходящие "Переписку", уже написаны в сознании новой, русской грядущей культуры (отсутствие бумаги еще не признак отсутствия культуры мысли); новая культура, новая, свободная мысль уже есть вопреки всяким "скрежетам зубовым"; и странно говорить о "Переписке из двух углов", когда стоит говор сотен и тысяч сознаний, сошедшихся из всех углов и заявляющих, фактом своего бытия: есть культура в

России, культура, выдавшая перед собой лик
гроба и смерти, не убоившаяся ни гробов
современности, ни гробов, ей сколачивае-
мых издалека.

Это -- культура сходящей к России
Вечности.

¹Говорят, будто где-то возник Ч О Р Т --
Чрезвычайный Отдел Разгрузки Транспорта.

²Из стихотворений В. Казина.

Andrej Belyj and His Father: A Short Memoir George Cheron

Among the papers of Professor Paul S. Epstein (1883-1966) at the California Institute of Technology Archives are located his brief reminiscences of Andrej Belyj. Although he was born in Russia and even taught for a time at Moscow University, after the 1917 revolution Epstein relocated to Caltech in Pasadena, California, where he taught theoretical physics for many years.

Paul Epstein was descended from a distinguished Jewish family; one of his grandfathers was the Grand Rabbi of Poland. Epstein's mother Sof'ja Lur'e (1858-1897) in her youth knew and corresponded with Dostoevskij. (One of her letters was extensively quoted by Dostoevskij in his *Diary of a Writer* in the article "The Jewish Question.") Epstein's cousin was the well-known German translator Alexander Eliasberg (1878-1924).

Epstein's recollections were recorded by his wife on November 22, 1965 and serve to introduce the section entitled "Undergraduate Years in Moscow." The memoirs of Epstein form part of the Oral History Program at the California Institute of Technology Archives and have been transcribed by members of the archival staff. Permission to publish his reminiscences of Belyj has been granted by the Caltech Archives, to whom I am sincerely grateful. Minor discrepancies in spelling have been corrected by me.

Epstein's Memoir

Bugaev, a mathematician, was, of course, a dyed in the wool materialist,¹ but his son and wife² were anthroposophists. That, of course, went strongly against his grain and was the root of the difficulties there--the frictions they were having with the young Bugaev, Andrej Belyj Bugaev.³ I lived with him [Andrej Belyj] in Munich, in the same pension, for several months--he was already married, so it was several years later.⁴ Steiner, the head of the anthroposophist group, had his residence in Munich, and that was a center of anthroposophism.⁵ They wanted to build there a Goetheanum, a temple of anthroposophism, but since they believed they couldn't use any fire produced materials--they had to be of wood--and they could not get the permission of the fire department to build such a building of wood; they went to Dornach, near Marl, and built it there. And sure enough, in a year it burned down.⁶

Andrej Belyj, the son of Bugaev, and I never became particularly close, because it was the same thing, the mysticism which was inherent in that anthroposophy; it was strange to me. But I had read some of his work by that time, and I must admit it was an extensive knowledge that he had. Apart from the poems he had some short novels, and also critical articles. He was a very gifted man, and in his line was probably even better than his father was in mathematics. But enough about that. I think I have spoken enough about Bugaev. I may only add that I did not know that he [the father] was in the year next to his retirement; in two years he retired, and soon after that he died.⁷ The lectures were good. Differential calculus is not a very modern thing,

however a very important one. I found out soon afterwards that his lectures were available in a lithograph version. You just could buy them and could read them at your leisure at home, which I preferred always to do. I didn't get so much by the oral approach and so I went pretty rarely and read for myself on differential calculus at home, not very much, but enough.

Notes to Epstein's Memoir

¹ Nikolaj Vasil'evič Bugaev (1837–1903) was professor of mathematics at Moscow University and later chairman of the math department.

² Aleksandra Dmitrievna Bugaeva, *née* Egorova (1858–1922). While there is no documentation to substantiate the claim that Belyj's mother was an anthroposophist, she was always interested in theosophy. At the turn of the century, the terms "anthroposophy" and "theosophy" were used interchangeably.

³ Epstein is wrong here in maintaining the source of the friction between Belyj's parents and Belyj as being anthroposophy. In reality this friction stemmed from a basic incompatibility and conjugal rivalry among the parents. See Belyj's first volume of memoirs for a sober characterization of his parents: *Na rubeže dvux stoletij* (Moscow, 1930). After the publication of Belyj's first book, *Simfonija, 2-aja dramatičeskaja*, in 1902, his strained relationship with his obdurate father worsened.

⁴ Epstein must have in mind the year 1912, which

Belyj spent with Asja Turgeneva following Rudolf Steiner all over Europe. Belyj did spend several months of that year in Munich. Officially Belyj married Asja Turgeneva only in 1914, in Switzerland.

⁵ Rudolf Steiner (1861–1925), the father of anthroposophy, lectured extensively in Munich during the years 1910 to 1913, as well as directed four original mystery dramas there.

⁶ Epstein clearly is talking about an early "version" of the Goetheanum. The first Goetheanum was eventually built in Dornach, Switzerland in 1914 and burnt down in 1922. For more information on the Goetheanum see: *ABSN*, No. 3, 1984, pp. 18–29.

⁷ N.V. Bugaev died on May 29, 1903; he first began to teach at Moscow University in 1866.

**"Works of Idealization:"
Reminiscences of Belyj: Part I
Olga Muller Cooke**

Literary memoirs reflect the structure of memory because they are filled with what is memorable. And memory is based on selection, often to the point of embellishment. Sometimes a life will reflect not what it was, but how it must have appeared to the beholder during moments *in extremis*. If we look at the countless portraits of Belyj we are struck by the degree of fascination that Andrej Belyj's life had for his contemporaries, a fascination that bred enigmas, myths and mysteries. Andrej Belyj's personal life seems as explosive as the random bombs and dynamite we find in his prose works. The general picture which emerges from the sundry portraits drawn by, say, Xodasevič, Cvetaeva, Berberova, Stepun, Baxrax, Erenburg, to name only a few, is that of an "eccentric" (a "čudak"), a "madman," "a shaman," a "disembodied spirit," a "schizophrenic," portraits which probably contain elements of truth, but which are, nonetheless, subjective and exaggerated.

When one reads the accounts of Belyj's contemporaries, one cannot help but be reminded of Freud's psychoanalytic interpretation of biographers and their "works of idealization," which depict not the biographical subject so much as the biographer.¹ Although one must not confuse memoirists with biographers, nevertheless, one encounters a tendency among Belyj's memoirists to either embody a pre-conceived attitude to their subject or to see themselves in Belyj's reflection or to dwell solely on their subject's idiosyncracies. A case in point are the numerous accounts centered on the wild foxtrots and

Dionysian excesses performed by Belyj in Berlin dance halls: caught red-handed in the throes of a mad jig, Belyj could not help but appear the ludicrous clown.² Such memoirs were based almost entirely on two of his most difficult years, 1921–1923, spent in Berlin, when Belyj desperately sought a reunion with his wife and Rudolf Steiner. Set against a background of Belyj's crises, conflicts and contretemps, there is an air of sensationalism about the majority of memoirs one reads. This impressionistic survey of creative reminiscences by no means purports to psychoanalyze the memoirists, but rather to juxtapose their occasionally idiosyncratic memories about Belyj with a more balanced picture.

What made this gargantuan master of Russian Symbolism elicit such fantastic reminiscences? On one issue almost every memoirist agrees: Belyj was not an ordinary human being. Indeed, there are those who insist that his life was greater than his works.³ Here is the entry Brjusov made in his diary on the day he met Belyj in 1902: "The most interesting of all these minor ones [poets] is of course Alexander Blok, whom I do not know personally. And yet more interesting, though not at all minor but a very major figure, Boris Bugaev, the most interesting man in Russia."⁴ Brjusov also provided a fictionalized memoir of sorts in his autobiographical novel, *Ognennyj angel*. Ilja Erenburg recalls that Belyj "never sat in a chair like other people, but half rose from it; one moment it seemed he would turn into a cloud; he did not address the person he was talking to, but an imaginary inhabitant of an imaginary planet."⁵ A supernatural aura seemed to envelop him. There are intimations of other-worldliness; he is a visionary, someone who defies the laws of gravity. For Nadežda Mandelštam

Belyj seemed to radiate light. She never met anyone else who was "so literally luminous [...] he charged everybody who came near him with a sort of intellectual electricity. His presence, the way he looked at you, and his voice stimulated the mind and quickened the pulse. My memory is of something disembodied, an electric charge, a thunderstorm incarnate, a miracle of some kind."⁶ Mandelštam was not alone in envisioning Belyj as a creature not of this world, for it is as a "dux letajuščij po Moskve" that Nikolaj Valentinov remembered Belyj.⁷ Moreover, the imagery of electric charges finds an analogue in Boris Zajcev's memoir of Belyj: "Ves' on byl klubok čuvstv, nervov, fantazij, pristrastij, večno podveržennyj magnitnym burjam, vsevozmožnejšim tokam, i raznye radio-volny na raznoe ego napravljali."⁸ In keeping with this perspective one can add Erenburg's comment: "he is a wandering spirit that has not found a body, an unbounded torrent."⁹

Time and again one encounters similar epithets, similar descriptions. Belyj's utterances often could not be explained or duplicated—they were simply to be experienced. Dmitrij Maksimov recalls Belyj, the "phenomenon," during the Vol'fila meeting that commemorated Aleksandr Blok shortly after Blok's death. Maksimov was moved to call Belyj's opening speech "the greatest of all speeches that I have ever heard."¹⁰ And yet in retrospect Belyj's words, in and of themselves, were not that novel. What mattered, according to Maksimov, was the way Belyj enunciated, the manner in which he recited Blok's poetry. Aleksandr Baxrax could not comprehend what exactly consisted of Belyj's delirious, Martian-like tales, and yet Belyj's rhetoric had the power of "hypnotizing" Baxrax. The very act of recalling Belyj's magical,

occult-inspired conversations would send chills up Baxrax's spine.¹¹ And yet he, too, like Maximov, was unable to reproduce Belyj's pregnant passages; they simply eluded him. One of Belyj's most ardent fans, Evgenij Zamjatin, heard a lecture completely improvised on the spot for Zamjatin's ears alone. While Belyj was supposed to present a lecture to an audience one evening, he touched upon the topic of the crisis of culture with Zamjatin and the following ensued: "His eyes lit up, he squatted down and stood up, illustrating his theory of the 'parallel epochs,' the 'spiral movement' of history. He spoke uninterruptedly. It was a brilliant lecture before a single listener."¹² Meanwhile, Belyj's audience waited for hours in vain. Zamjatin could no more recreate what he heard than Maksimov or Baxrax, for Belyj "his entire life tried to prove something, tried to convince someone of something, tried to be understood, and... was understood by no one."¹³

One particular memoirist poses a rather bizarre question about Belyj, namely, "did Belyj, indeed, exist?" What strikes Fedor Stepun as particular to Belyj alone is "nečto vnečelovečeskoe, dočelovečeskoe i sverxčelovečeskoe."¹⁴ According to Stepun, Belyj always seemed ready to leap, dive or take off in flight, defying the elements and gravitation. This memoir goes slightly further than Erenburg's notion of Belyj composed of pure vapour.

Of the most memorable portraits of Belyj, Marina Cvetaeva's "Plennyj dux" emerges as perhaps the most creative memoir, one which reveals more about Cvetaeva than Belyj. At times from a vantage point of pure adoration, at times poised as a mysterious, silent lover whose "affair" with Belyj could never be

realized, Cvetaeva paints an egocentric Pegasus, not made for this world, and at the same time a pitiful, child-like creature. While one of the Russian emigrés viewed their closeness to one another as a "coup de foudre," Cvetaeva understood her role as a nurturing woman, always accessible, always giving. And yet like so many of her acquaintances in Berlin, Cvetaeva could not refrain from dwelling on images of Belyj as a sick man, poisoned by life and obsessed with dualities that bordered on the pathological, so much so that Belyj did not know whether he was Boris or Andrej.¹⁵ Stepun claims he was actually present when Belyj conversed with his double.¹⁶

Part II will probe some of the other personal reminiscences we find in more intimate relationships. There were the love/hate relationships that engendered a more psychoanalytic approach, as was the case with Xodasevič's memoirs. Nina Berberova's insights will also be treated. If we trust Nikolaj Berdjaev's notion that it was impossible to be angry at Belyj, why did Belyj elicit such rancor with emigrés? More to the point: how do portraits such as Xodasevič's compare with those of Belyj's closest friends, among whom numbered his second wife, her family members and other anthroposophists? The latter seem rather bland compared with the memoirs that take on a more fictional, and thus more fascinating, cast.

Notes

¹ See "Leon Edel," in *Biography as an Art. Selected Criticism 1960-1960*, ed. James L. Clifford (New York: Oxford University Press, 1962), pp. 228-229.

²Virtually everyone who frequented the same cafes with Belyj, particularly the Pragerdiele, in Berlin had something to say about Belyj's drunken, wild dervishes on the dance floors and his indecent comportment with a certain Marie. A short list of witnesses includes Xodasevič, Berberova, Baxrax, Erenburg and Cvetaeva. On a rather different note, one focusing on the fascinating new dance, which Belyj "brought from Berlin--the foxtrot," Kornej Čukovskij recalls the ever youthful forty-four year old Belyj in the Crimean resort of Koktebel, teaching all the ladies the new steps. See K. Čukovskij, "Koktebel," *Neva*, No. 7, 1983, p. 195.

³I. Erenburg, *Memoirs 1921-1943*, trans. T. Shebunina and Y. Kapp (New York: Grosset & Dunlap, 1966), p. 39. L.K. Dolgoplov makes similar comments: "Kak ličnost' Belyj ved' i interesen prežde vsego, a ne kak avtor takix-to i takix-to proizvedenij; kak ličnost' on vošel v soznanie sovremennikov..." in his "V poiskax samogo sebja (K 100--letiju so dnja roždenija Andreja Belogo)," *Seriya literatury i jazyka*, Vol. 39, No. 6 (Nov-Dec 1980), p. 503.

⁴V. Brjusov, *Dnevnik 1891-1910*, ed. I.M. Brjusova et al., Moscow, 1927, p. 122. See the English translation from which this quote is drawn, *The Diary of Valery Bryusov (1893-1905)*, ed., trans. and with an intro. by Joan D. Grossman (Berkeley: University of California Press, 1980), p. 130.

⁵I. Erenburg, *First Years of Revolution 1918-1921*, trans. Bostock & Kapp, London, 1962, p. 64.

⁶N. Mandelstam, *Hope Against Hope*, trans. Max

Hayward (New York: Atheneum, 1976), p. 155.

⁷N. Valentinov, *Dva goda s simvolistami*, (Stanford: Hoover Institute, 1969), p. 45.

⁸B. Zajcev, "Andrej Belyj (Vospominanija vstreči)," *Russkie zapiski*, Paris, July 1938, p. 85.

⁹I. Erenburg, *Memoirs 1921-1943*, *op. cit.*, p. 39.

¹⁰D. Maksimov, "O tom, kak ja videl i slyšal Andreja Belogo," *Zvezda*, 7, 1982, p. 172.

¹¹A. Baxrax, "'Po pamjati, po zapisjam' Andrej Belyj," *Kontinent*, 3, 1975, p. 307.

¹²E. Zamjatin, "Andrej Belyj," in *A Soviet Heretic: Essays by Yevgeny Zamyatin*, ed. and trans. Mirra Ginsburg (Chicago & London: University of Chicago Press, 1970), p. 244.

¹³L.K. Dolgoplov, *op. cit.*, p. 499.

¹⁴F. Stepun, "Pamjati Andreja Belogo," *Vstreči*, New York, 1968, pp. 169-170.

¹⁵M. Cvetaeva, "Plennyj dux (Moja vstreča s Andreem Belym)," *Proza* (New York: Chekhov Pub. House, 1953), pp. 286-352.

¹⁶F. Stepun, *op. cit.*, p. 175.

A Puzzle Solved (More or Less)
John E. Malmstad

Readers of last year's issue of the Newsletter will recall that I appended to my bibliography of works published by Belyj in the Berlin press (1921-1923) a list of reviews signed only "A.B." I doubted that Belyj had anything to do with them, but could only speculate about their author. Nine of the seventeen items -- the reviews of Severjanin (Solovej), Kusikov, Puškin, G. Ivanov, Remizov, Rafalovič, Cvetaeva, Parnok, and Piotrovskij -- can now definitely be assigned to the pen of the late Aleksandr Baxrax. In the summer of 1986, while helping Baxrax's widow sort out what remained in Paris of her husband's archive, we came across some albums in an old trunk. Baxrax had forgotten about this trunk, stored in a basement, when he sold his papers to the Bakhmeteff Archive of Columbia University several years ago. The albums contained clippings of his articles and reviews of the twenties. Among them were the nine reviews mentioned above. As the clippings were by no means complete, I think it is probably fair to assume that the other "A.B." reviews listed in the bibliographical appendix also belong to Baxrax, although I, of course, cannot say so with absolute assurance. But at least most of the "mystery" is now solved. For those interested in the other pseudonyms used by Baxrax in those years, the album also contained pieces signed: Čir., Kirillov, K. Kir., and K.K.

**1986 Seminar on Andrej Belyj at the
 University of Bergamo**

September 8 -- Session I

N.M. Kauchtschischwili and L.K. Dolgoplov
 "Vstupitel'noe slovo"

W. Potthoff, "Belyj i russkie filosofskie tečenija
 načala našego veka" (in German)

Maria Deppermann, "Vladimir Solov'ev pod novym
 uglom zrenija: Simvolizm i avangard" (in German)

Session II

Tatiana Nicolescu, "Literaturnye reminiscencii v
 kritike Belogo"

Milovoe Jovanovič, "Sjužet Asi Turgenevoj v 'Trilogii'
 Belogo ('Korolevna i rycari,' 'Zvezda,' 'Posle
 Razluki')"

Sept. 9 -- Session I

Lena Szilard, "A. Belyi i P.A. Florenskij: Kommentarii
 k str. 546 knigi *Simvolizma*"

Maria Carlson, "Kommentarii k 'Kommentarijam'
 Belogo k *Simvolizmu*" (in English)

Ada Steinberg, "Èksperimental'naja poèzija Belogo,"

Anna Han, "Potebnja i A. Belyj"

Session II

Round Table discussion of the play, *Gibel' Senatora*.
Participants: John Malmstad, Fausto Malcovati,
Tatiana Nicolescu, Ada Steinberg.

Sept. 10 – Session I

- N. Tomaševskij, "Perepiska A. Belogo s B. Tomaševskim"
- F. Kozlik, "Nekotorye aspekty otryvka iz *Istorii stanovlenija samosoznajuščej duši*" (in French)
- V. Piskunov, "Kul'turnoe mifotvorčestvo v *Simfonijax Belogo*" (really on the "Fourth")
- Katalin Szöke, "Ornamental'naja proza Belogo: roman *Serebrjanyj golub*"
- V. Lepaxin, "Andrej Belyj i starootečeskaja literatura"

The Sixth Annual Belyj Society Meeting

The sixth annual meeting of the Andrej Belyj Society was held during the 1986 AATSEEL conference at the Roosevelt Hotel in New York on December 28, 1986. The panel consisted of the following program:

Chairman: Maria Carlson, American Embassy, Moscow
Secretary: Catherine Kulešov, University of Minnesota

"Essay—Poems on Wor(l)d Sounds: Konstantin Bal'mont and Andrej Belyj"

Martin Bidney, SUNY—Binghamton

"Claustrophobia and Agoraphobia in Belyj's *Petersburg*"

Cathy Popkin, Columbia University

"Elementy karnavalizacii v *Peterburge* A. Belogo"
Eleonora Magomedova, University of North
Carolina at Chapel Hill

"Marina Cvetaeva and Andrej Belyj: 'Razluka' and 'Posle razluki'"

Thomas R. Beyer, Jr., Middlebury College

The Belyj Society elected Steven Cassedy as Vice-President for 1987. Because Professor Kulešov will be retiring as of this academic year, Olga Cooke will fill in as president for the next AATSEEL meeting in San Francisco. Those interested in presenting papers at the next meeting should address your abstracts to Prof. Cooke, Dept. of Modern Languages, Texas A&M University, College Station, TX 77843, (409) 845-2198/693-3704.

**Essay—Poems on Wor(l)d Sounds:
Konstantin Bal'mont and Andrej Belyj
Abstract by Martin Bidney**

K. D. Bal'mont's virtuoso piece Poèzija kak volšebstvo (1915) and Andrej Belyj's curiously but aptly titled Glossalolija: Poëma o zvuke (completed 1917, published 1922) are strikingly similar in intent and execution: they link major concerns of representative first- and second-generation Russian Symbolists more intimately than one might have thought possible. The two essay-poems are cosmogonies of speech sounds. Each poet takes us, as it were, inside the mind of the Creator to show us how a universe can be built out of the materials of speech, which are correlated in each cosmogonic myth with elemental forces, world-making powers. For both cosmogonists, humanity is the child of sun and sea. Bal'mont develops a scheme of cosmic mitosis based on the principle of plenitude through contrasts. To fulfill this principle, silence gives birth to the word; sex, in love with itself, divides and subdivides in joyful diversification; and in the child's first word the "M" of muteness and constriction vies with the "A" of fullness and freedom. Light and dark twins, "L" is loving, laving liquid while "R" is a sinister ore, rumbling of future war. Poetry is a magic Norse drink, compounded of honey and the blood of a sacrificed demigod. All contrasts, in speech and manifold myths and spells, are mutual mirrors, each facing the flame it reflects (the poet's unifying verse).

Belyj's cosmogony of speech is more elaborate, and it makes the theme of sacrifice more central. The primal sound "ur," coming from the throat's column, gives way to a conflict between the serpentine "h" or

"x" and the Siegfried-sword of "r." The whirl of conflict issues in sunlike sounds: zor/zar/zir (vzor, Zarathustra, Osiris, Sirius). "Chrisos" is a radiant flowing, but also a burden, a cross (krest, crux). The moon brings life, but its moistening, cooling action weakens force, altering ringing r's to laxer l's: even "solnce" is but a shadow of its supernal self, for it is now allied with lunar salt ("Salz"). More dark descents follow: "o," the spirit in us, becomes caught in the little enclosures ("m") of the body, and only after death does our spirit escape the dwarfed "om" to become coterminous with the larger cosmic "O."

For Belyj as for Bal'mont, the poet unites all contraries. But Belyj's world is a more fallen one than Bal'mont's: even the first person pronoun "ja" is heard in Glossalolija as a descent from the heights of "j" or "i" to the lower level of "a." So the Belyjan poet's redemptive efforts must often seem but "a memory of a memory."

What the present-day reader will value most in these essay-poems about wor(l)d sounds is their boundary-blurring, genre-jumping free exuberance of improvization, their gaya scienza.

**Claustrophobia and Agoraphobia in Belyj's
Petersburg
Abstract by Cathy Popkin**

The paper examines the interplay of limited and limitless space that informs the world of the novel. Enclosed space figures alternately as confinement and refuge—from Dudkin's oppressive garret, to the Ableuxov home and its rooms (locked and unlocked), from Apollon Apollonovič's snug carriage and his "place like no other" (which is eventually blown open), to the human body itself, and the "skullbox" from which thoughts do manage to escape. The walls that define such places are solid, yet at times curiously penetrable. Doors alternately lock in and lock out, or open out on the infinity of the cosmos. Windows—"holes cut into unembraceable infinities"—admit both murderers (Dudkin) and culture (cf. the capital's own role as "window"). Boundaries (of cities, for instance) are too misty to define or protect space.

Beyond the cells and chambers of Petersburg are the "immeasurable expanses" so feared by Apollon Apollonovič—the square he must cross that makes him quake like Akakij Akakievič, the islands that surround the city, the vast, icy "void" of the Russian empire, the immensity of the cosmos, the infinite expansiveness of the spiritual realm.

Both bounded and boundless space are a source of anguish in the novel, yet each offers its own brand of refuge and communion as well. Nikolaj Apollonovič unites with the "world all" behind the locked door of his room. Dudkin merges with humanity by leaving his stifling quarters and disappearing into the mist. Belyj confronts Dostoevskian claustrophobia (Dudkin/

Raskol'nikov) with Gogolian agoraphobia (Apollon Apollonovič/Akakij Akakievič). What does this fascination with openings and enclosure mean for the closure of the novel? How does the explosion, that final expansion of gasses, alter the spatial configuration and the values it reflects?

Элементы карнавализации в "Петербурге"

А. Белого

Abstract by Eleonora Magomedova

Целью данной работы было доказать наличие элементов карнавализации в "Петербурге" А. Белого.

1. Прежде всего самое место действия романа – Петербург – это город на пороге (термин Бахтина), город, находящийся на грани бытия и небытия, реальности и вымысла, готовый в любой миг исчезнуть, рассеяться как туман, город, чуждый "бескрайним просторам России".

Время в романе также можно отнести к времени на пороге (конец русско-японской войны, канун революции, время голых "последних" вопросов, кризисное время).

2. Почти все герои романа в большей или меньшей степени содержат в себе присущую карнавальному образу нейтрализацию семантической оппозиции "мужской-женский", что придает им черты андрогинов ("тоненькая талия 16-летней девчонки", "кокетливая грация", "девичья стыдливость", "ручки", "шейка" Аполлона Аполлоновича Аблеухова, "усики" Софьи Павловны Лихутиной, "женообразные округлые формы на лохматой груди" "особы" – Липпанченко и т.д.). Та же идея андрогина лежит в образе "бородатой кариатиды", являющимся одним из устойчивых лейтмотивов романа.

3. К элементам карнавальной техники bricolage можно отнести использование чисел,

которых в романе довольно много (иногда на страницу приходится по 10 и более чисел, 23 на стр. 327, 32 – на стр. 193), так что иногда текст выглядит как статистический отчет или пародия на него, причем используются и "неэстетические" дробные числа.

4. Присутствуют здесь и маскарадная толпа, переодевания, мистификация и развенчание, скандал и т.п. – характерные элементы карнавализации.

**Andrej Belyj and Marina Cvetaeva: "Razluka" and
"Posle Razluki"**

Abstract by Thomas R. Beyer, Jr.

On May 16, 1922 in the Pragerdiele of Berlin Andrej Belyj met the newly arrived Marina Cvetaeva. While it was not their first meeting, Cvetaeva considered it their first true encounter. Belyj was quick to grasp the similarities in their lives: both were children of professors, both were separated from their spouses. That evening Belyj received a copy of Cvetaeva's slim volume of verse, "Razluka." It would have a profound effect upon him and his own poetry. He read the volume immediately and answered Cvetaeva with a letter, a review article, "Poëtessa-pevica," and within a few weeks with a lyrical counterpoint in his own collection, "Posle Razluki."

This paper explores the intense and whirlwind relationship of the two poets in May and June of 1922 in light of personal correspondence, memoirs, and third party accounts. It also examines the effect and influence of Cvetaeva's poetry on Belyj's own collection, beginning with an analysis of Belyj's own commentary on "Razluka."

Belyj would find new inspiration in Cvetaeva's image as woman, as well as in her poetry. In his darkest hour in Berlin, immediately after the loss of Asja Turgeneva-Bugaeva, Belyj would discover that there was indeed life after that separation.

Belyj's *Glossalolija*: Synaesthesia and Semiosis
Abstract by Amy Mandelker

In his 1917 (pub., 1922) essay about sound, *Glossalolija* (sic!), Belyj formulates an epistemological and linguistic theory of semiosis based on a view of modern languages as corrupt derivations from the primary, Edenic Uhr-language. He extrapolates from Steiner's occult views of eurhythmy and Wundt's gestural theory of glottogenesis, a notion of synaesthesia which is a result of total iconic cohesion with poet-theorists, who see synaesthesia as a symptom of the blurred boundaries between *signans* and *signatum*, coupled with the suggestive, musical overtones of the acoustic shape of the word. We find Belyj's artistic universe similarly populated by images and events which are iconic and motivated. The proper reception of these "signs" in Belyj's semiotic system, is not the act of de-coding, but rather the adoption of the state of venerative contemplation, as if of an Icon. This practice is exemplified in the experiences of the narrator of *Kotik Letaev*, which Belyj was composing while writing *Glossalolija*. In one of several instances of intertextuality, young Kotik contemplates images or icons which we find in *Glossalolija*, are sketched as Belyj's own intermodal representations of sound gestures.

Delivered on the panel on "Mysticism and Spirituality" at the annual AATSEEL meeting, December 1986. A longer version of this paper is being prepared for publication.